

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Новикова Е. В.

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой судебной деятельности ИППК судей,
работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ,
ул. Советская, 14, 220030 Минск, Беларусь,
mypostadress@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются и анализируются способы уголовно-правовой охраны исполнения договорных обязательств. Затрагиваются проблемы ограничения неисполнения договорных обязательств от хищения. Исследуются вопросы в части общественной опасности таких преступлений, как принуждение к совершению сделки и принуждение к выполнению обязательств. Приводятся примеры из судебной практики. Делаются выводы о необходимости пересмотра подходов к санкционному обеспечению данных норм.

Ключевые слова: правовая охрана; договорные обязательства; принуждение; мошенничество; сделка.

TO THE QUESTION ABOUT LEGAL PROTECTION OF EXECUTION OF CONTRACTS

Novikava K.

*PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Judicial Activities, Institute for Retraining
and Qualification Upgrading of Judges, Prosecutors and Legal Professionals
at the Belarusian State University,
Sovetskaya Str., 14, 220030 Minsk, Belarus,
mypostadress@mail.ru*

Abstract. This article discusses and analyzes methods of criminal law protection of the fulfillment of contractual obligations. The problems of distinguishing non-fulfillment of contractual obligations from theft are touched upon. Issues regarding the social danger of such crimes as coercion to complete a transaction and coercion to fulfill obligations are explored. Examples from judicial practice are given. Conclusions are drawn about the need to revise approaches to the enforcement of these norms.

Keywords: legal protection; contractual obligations; coercion; fraud; transaction.

Как известно, в гражданском законодательстве среди важнейших принципов закреплены принцип свободы заключения договора, принцип неприкосновенности собственности, принцип добросовестности участников гражданских правоотношений. Нарушение указанных принципов может повлечь за собой негативные правовые последствия. Законодатель предусматривает различные меры реагирования на нарушения в сфере договорных отношений. Их правовая охрана осуществляется в том числе и с помощью норм уголовного закона.

Охранительная задача Уголовного кодекса Республики Беларусь реализуется посредством установления уголовно-правового запрета на общественно опасное поведение, в том числе, заключающееся в хищении чужого имущества или права на имущество; незаконном отчуждении вверенного имущества; принуждении к совершению сделки; принуждении к отказу от совершения сделки; принуждению к исполнению обязательств, включая договорные. Уголовно-правовая охрана исполнения договорных обязательств осуществляется и посредством установления уголовной ответственности за различные варианты должностных злоупотреблений, криминализации общественно опасных деяний в сфере осуществления экономической деятельности, а также в иных областях.

В рамках предлагаемого материала остановимся лишь на отдельных вопросах, возникающих при реализации норм уголовного закона, выполняющих указанную выше охранительную функцию.

Первый вопрос: при каких обстоятельствах неисполнение договора «превращается» в преступление?

Как показало изучение судебной практики, в последнее время участились случаи преднамеренного неисполнения договорных обязательств. Нередко контрагенты обращаются в правоохранительные органы, желая разрешить свой спор уголовно-процессуальным путем. В связи с этим актуализируется давно известная проблема разграничения такой формы хищения, как мошенничество с неисполнением договора. Дело в том, что преднамеренное неисполнение

договорных обязательств при установлении определенных признаков квалифицируется как мошенничество. Проблема заключается в том, что обман, являясь способом совершения мошенничества, может использоваться и в гражданско-правовых отношениях.

О критериях указанного разграничения в доктрине уголовного права ведутся давнишние споры. Так, в известной монографии А. И. Бойцова «Преступления против собственности» указано, что «...очень сложным оказывается вопрос об отличии мошенничества от обычной деловой практики в предпринимательской сфере. Границы понятия обмана подвижны и изменяются по мере развития «этики бизнеса», которая время от времени заставляет законодателей признавать мошенничеством тот или иной вид «деловой активности». Ни доктрине уголовного права, ни судебной практике не удается выработать достаточно четких критериев такого разграничения. Во всяком случае существуют разновидности обмана, которые очень трудно признать преступными» [1, с. 324–325]. В качестве примера можно привести продажу мобильных телефонов, заведомо для продавца не работающих на территории Республики Беларусь. Есть ли при таком обмане признаки мошенничества? Можно ли в такой ситуации говорить о наличии безвозмездности как обязательной составляющей любой формы хищения? Практики спорят...

Возможны самые различные варианты неисполнения обязательства, граничащего с мошенничеством. Подчас одно обстоятельство (признак) может быть решающим при даче правовой оценки внешне схожих ситуаций. Например, если лицо отказывается передать имущество, ссылаясь на то, что сделки не было заключено, а нами доказано обратное, то есть основания вести речь о мошенничестве. Если при отказе от возврата имущества факт предшествующей этому сделки не отрицается, а происходит ссылка на невозможность по тем или иным объективным причинам выполнить предусмотренные договором условия, то речь можно вести о гражданско-правовых отношениях. К сожалению, не все так просто. Нередко суды не аргументируют должным образом, почему они вменяют мошенничество в тех или иных случаях, касающихся неисполнения договорных обязательств. Важно помнить, что при мошенничестве умы-

сел на завладение имуществом возникает до момента неисполнения обязательства. Тут возникают сложности доказывания.

Часто правоприменитель, делая вывод о наличии признаков мошенничества, указывает на нереальность или на необоснованность принятых на себя обязательств. Это определенный ориентир.

Отдельным вопросом является проблема качества оказания услуг по сделке. К сожалению, в законе не разработаны критерии качества предоставления информации. И это отдельная проблема.

Второй вопрос: в чем заключается общественная опасность принуждения к совершению сделки или отказу от нее, а также принуждению к выполнению обязательств.

Уголовный закон охраняет свободу волеизъявления и самоопределения человека относительно своего поведения. Любое насильственное психическое воздействие на потерпевшего с целью заставить его совершить (не совершить) то или иное деяние вопреки своей воли общественно опасно. В УК наряду с общей нормой «Принуждение» (ст. 185) предусмотрен ряд специальных составов. Степень общественной опасности принуждения весьма разнится в зависимости от того, что заставляют сделать (или не сделать) потерпевшего незаконными способами. Именно по этой причине с целью усиления или ослабления ответственности за различные виды принуждения законодатель предусмотрел уголовную ответственность в различных статьях УК.

Согласно Гражданскому кодексу Республики Беларусь физические и юридические лица свободны в заключении договора. Закон не допускает понуждение к заключению или отказу от заключения сделок, кроме случаев, прямо предусмотренных в нем. Но и при допустимом понуждении недопустимы запрещенные способы воздействия. В соответствии со ст. 246 УК уголовно-наказуемыми являются такие способы заставить потерпевшего совершить (отказаться от совершения) сделку (сделки), как угроза применения насилия над потерпевшим или его близкими; угроза уничтожения или повреждения их имущества.

Статья 384 УК предусматривает ответственность за принуждение к выполнению следующих обязательств: договорных, по возмещению причиненного ущерба, уплате долга, штрафа, неустойки

или пени. Подчеркнем, что, совершая «самоуправство в сфере исполнения обязательств», лицо преследует цель полного исполнения должником обязательства. Логично предположить, что она должна существенно снижать ответственность по сравнению с иными видами принуждений. Человек пытается вернуть долг, исполнить иные обязательства, применяя при этом недопустимые способы в виде угроз и насилия. Нередко виновные доведены до отчаяния. Да, ими допускается самоуправство. Такие способы исполнения обязательств караются. Но ни законодателю при установлении наказуемости, ни правоприменителю при выборе меры уголовной ответственности нельзя игнорировать факт того, что потерпевшего принуждают выполнить законные обязательства.

Для полноты картины обратимся к судебной практике.

Судом Г. признан виновным в принуждении к выполнению договорных обязательств под угрозой уничтожения имущества, при отсутствии признаков вымогательства, и на основании ч. 1 ст. 384 УК Республики Беларусь назначено наказание в виде штрафа в размере 30 (тридцати) базовых величин с рассрочкой на 10 месяцев. На основании договора подряда Г. выполнял работы в ООО, управляющим которого являлся потерпевший. За выполненные работы с ним в установленный договором срок не рассчитались. Г. постоянно созванивался с потерпевшим и просил расчет, выслушивая в ответ обещания исполнить условия договора. Не дождавшись выполнения обещанного, Г. отправил на мобильный телефон потерпевшего СМС с угрозой уничтожения принадлежавших ему автомобилей. Заработанные деньги были переведены на карточку Г., когда тот перестал уже их ждать. А спустя неделю он узнал об обращении потерпевшего в милицию.

П. признана виновной в принуждении к уплате долга, совершенном под угрозой применения насилия, с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, группой лиц. Как следует из материалов уголовного дела, П. с целью возврата 200 рублей, которые она одолжила Б. и неоднократно безуспешно пыталась вернуть, обратилась к другому лицу, попросив его помощи в возврате долга, чтобы тот поприносил для устрашения. Заблаговременно ею

не оговаривались способы воздействия на должника, она не просила о применении насилия, не знала, что другое лицо привлечет для разрешения конфликта С. В дом к потерпевшему Б. она зашла после другого лица с С., услышав крики. П. видела, что С. держит в опущенной руке предмет, похожий на пистолет (как показала в дальнейшем экспертиза это был пневматический газобаллонный пистолет, не относящийся к огнестрельному оружию). Кроме того, П. видела, что другое лицо, стоя около Б., опускал ногу после нанесения удара. Испугавшись, П. попросила остановиться, что тот и сделал. П. продолжила требовать возврата долга. Полученные Б. телесные повреждения относятся к телесным повреждениям, не повлекшим кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности. Следует отметить, что обвиняемая П. и потерпевший Б. ходатайствовали об освобождении обвиняемой от уголовной ответственности по ст. 89 УК. В соответствии со ст. 89 УК, лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившее менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный преступлением вред. Обстоятельств, отягчающих ответственность П., судом не установлено. Обстоятельствами, смягчающими ответственность П., суд признал возмещение ущерба, причиненного преступлением, принесение извинений. Вместе с тем суд пришел к выводу о невозможности освобождения обвиняемой от уголовной ответственности как на основании ст. 89 УК, так и на основании ст. 86 УК. По убеждению суда не имеется оснований и для применения иных мер уголовной ответственности. П. назначено реальное наказание в виде штрафа в размере 60 (шестидесяти) базовых величин на сумму 1920 (одна тысяча девятьсот двадцать) рублей.

С. осужден на два года лишения свободы с условным неприменением наказания за то, что несколько раз ударил рукой по лицу М. в связи с тем, что тот, арендовав у С. автомобиль иного лица, прекратил передачу арендной платы, в связи с чем С. вынужден был платить собственнику автомобиля личные средства. Образовавшийся долг М. отрицал.

Указанные примеры демонстрируют, что причины неправомерного поведения виновных заключаются в неправомерном поведении потерпевших. Бесспорно, что требования о выполнении законных обязательств должны не покидать правовой плоскости. Вместе с тем, учитывая реально существующие сложности исполнения договоров, беспомощность органов принудительного исполнения (нет никаких гарантий, что даже решение суда будет реализовано), виновных в анализируемых случаях самоуправства можно понять. Это не исключает привлечения их к уголовной ответственности, но должно учитываться как законодателем, так и правоприменителем при формулировании и назначении конкретной меры уголовно-правового воздействия.

Немного о наказуемости. Бесспорно, что необоснованная санкция приводит к неоправданности общественных ожиданий, невозможности достижения целей уголовной ответственности. Несправедливое наказание увеличивает рынок криминальной среды. Пределы санкций должны быть определены в уголовном законе так, чтобы у суда была возможность назначить лицу, совершившему преступление, справедливое наказание, которое обеспечило бы как частную, так и общую превенцию.

Не забывая о сути анализируемых преступлений, обратимся к санкционному обеспечению действующего УК и сравним статьи Особенной части, предусматривающие ответственность за разные виды принуждения.

В УК предусмотрена ответственность за различные виды принуждения (не считая тех преступлений, которые нашли иное словесное выражение, однако по сути связаны с принуждением (например, вымогательство)).

Статья 135 УК «Нарушение законов и обычаев войны». Данное преступление, выразившееся, например, в принуждении лиц, пользующихся во время военных действий международной защитой, к службе в вооруженных силах противника (ч. 1 статьи) карается ограничением свободы на срок от 3 до 5 лет или лишением свободы от 3 до 7 лет. Для сравнения: принуждение к выполнению обязательств, совершенное повторно (ч. 2 ст. 384 УК), предусматривает возможность назначения лишения свободы от 2 до 6 лет.

Статья 163 УК «Принуждение к даче органов или тканей для трансплантации». Принуждение лица к даче его органов или тканей для трансплантации, совершенное с применением насилия (ч. 2 данной статьи) карается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения. И тут мы видим менее длительные сроки лишения свободы по сравнению с насильственным принуждением к выполнению договорных обязательств.

Статья 171-1 УК «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией». Насильственное принуждение к продолжению занятия проституцией наказывается мягче, чем насильственное принуждение к выполнению обязательств (максимальные 5 лет со штрафом против 10 лет лишения свободы по ч. 3 ст. 384 УК).

Вывод очевиден. Требуется санкционная реформа. Наказуемость за принуждение к выполнению обязательств должна быть соразмерна общественной опасности содеянного. Полагаем, что состав преступления, предусмотренного ст. 384 УК, должен быть привилегированным. В ст. 384 действующего УК ответственность в разы жестче по сравнению не только с общей нормой (ст. 185 УК – максимальное наказание – ограничение свободы до 2-х лет), но и иными видами принуждения, очевидно для всех предусматривающих более опасные его проявления.

Также заметим, что ряд квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, предусмотренных в ч. 2–3 ст. 384 УК, необходимо исключить (некоторые ученые придерживаются обратного мнения [2, с. 6]). Так, трудно представить себе принуждение к выполнению обязательств, совершаемое организованной группой.

Список использованных источников

1. Бойцов, А. И. Преступления против собственности / А. И. Бойцов. – СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. – 775 с.
2. Лапцевич, И. И. Уголовная ответственность за принуждение к выполнению обязательств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. И. Лапцевич. – Минск, 2014. – 24 с.